

Агенты в юбках

Святослав КУЛИНОК,
заведующий отделом
Белорусского
государственного архива
научно-технической
документации

Деятельность фашистской разведки и контрразведки на территории СССР в период Великой Отечественной войны широко освещалась в средствах массовой информации и в научных публикациях. Школы, в которых проходили подготовку агенты, завербованные из советских граждан, стали темой многочисленных романов и кинофильмов. Однако мало известно о таком направлении в деятельности немецкой разведки, как использование агентов-женщин. Их готовили и на территории Беларуси.

Спустя короткое время после начала Великой Отечественной войны жители оккупированной Беларуси, пережившие Первую мировую войну, пришли к твердому убеждению, что на сей раз пришли «не те немцы». Это была иная оккупация и во всех смыслах другая война. Прежняя велась за перераспределение господства между империями, эта, начатая против СССР, была сражением за «жизненное пространство», само выживание и даже пропитание Третьего рейха. С 1933 по 1939 год (с момента прихода НСДАП к власти и до начала Второй мировой войны) продовольственное обеспечение Германии за счет внутренних ресурсов выросло всего с 80 до 83 %. Фактически каждый пятый немец зависел от импортируемого в страну продовольствия, в том числе из Советского Союза. Не зря немецкий историк Христиан Герлах заметил: «Оказалось, что вторжение в СССР стало горькой военно-экономической необходимостью...» [1, с. 45]. Его коллега Рольф-Дитер Мюллер в своих оценках еще более категоричен: «Продовольственная политика играет ключевую роль в понимании гитлеровской внешней политики и образа действий в ходе ведения войны...» [2, с. 189]. Германский меч должен был завоевать славянский хлеб. При этом сами славяне оказывались лишними – не тратить же столь нужное продовольствие на «унтерменшей», т.е. «недочеловеков». Потому были отброшены всякие ограничения и предубеждения в выборе средств для достижения поставленных целей. Более того, многие из задач предполагалось решать усилиями самих «унтерменшей», которых никто из оккупантов не намеревался жалеть.

Значительная роль в подготовке нападения на СССР и ведения войны отводилась «компетентным органам»: абверу и другим немецким службам. С осени 1940 года основные усилия секретных служб направляются против советского государства. В это время абвер значительно расширил масштабы своей деятельности по добычанию информации по СССР. Он готовил специальные диверсионные группы для ведения подрывной деятельности в тылу, маскировал военные приготовления к нападению на Советский Союз. Основными постулатами немецкой разведки стали три заповеди, которые сформулировал заместитель фюрера по партии Р. Гесс: «Нет такой тайны, которую нельзя было бы узнать», «Каждый может быть шпионом» и «Каждый должен быть шпионом».

В своих воспоминаниях сотрудник абвера Герд Бухгайт писал: «1941 год был тем периодом, когда влияние на ход войны и престиж абвера достигли высшей точки. В связи с колоссальным расширением театров военных действий возникло множество новых задач. А это вызвало необходимость серьезно увеличить его численность, сохраняя при этом прежние организационные рамки» [3, с. 89].

Еще за несколько месяцев до войны абвер организовал ряд разведывательных и диверсионных школ по подготовке агентов для использования на территории СССР. Они укомплектовывались эмигрантской молодежью и членами антисоветских националистических организаций. Но практика показала, что такие агенты, попадая в «рабочие» условия, плохо ориентировались в советской действительности. Потому после захвата вермахтом территории

Беларуси началось создание специальных разведывательно-диверсионных и шпионских школ с привлечением уже местного населения. В августе 1941 года была организована школа в Борисове, в 1942 году – в Минске, Слуцке и Витебске. Их задачами с лета 1941 до середины 1942 года была подготовка агентуры для заброски преимущественно в районы армейского и фронтового тыла противника с целью сбора военной информации, совершения диверсий и террористических актов, захвата и уничтожения военных объектов, распространения дезинформационных и панических слухов. Исходя из этого, определялись и категории тех, кто подлежал вербовке в первую очередь. Это перебежчики, пленные, давшие ценные сведения о Красной армии, те, кто «хорошо зарекомендовал себя на работе в лагерях», кто подвергался в прошлом репрессиям со стороны советской власти. В расчет принимались также профессия и личные качества кандидата, приоритет отдавался радистам, связистам, саперам и лицам, имевшим достаточный кругозор. Женщин среди этих агентов почти не было, и не только потому, что условия выполнения задания часто напрямую зависели от физической выносливости агента, но и по той причине, что подготовка агентов-женщин в традиционно мужском институте германского общества – армии – до определенного времени не входила в круг задач, решаемых нацистским руководством.

Однако с конца 1942 года и особенно в 1943 году в разведывательных документах партизан систематически встречаются сведения об использовании немецкими секретными органами женщин в качестве разведчиков и диверсантов. В конце 1942 года разведотдел Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) уже располагал данными о массовой подготовке женщин-агентов в гомельской и слуцкой школах. В одной из разведсводок БШПД отмечалось, что «по полученным данным из бригады Чкалова в г. Слуцке имеется школа гестапо, расположенная в здании бывшего педтехникума. Срок обучения 3 месяца. Численный состав слушателей – до 200 человек... из них 130 девушек и 70 мужчин...» [4, л. 129–130]. В гомельской школе с июня по декабрь 1942 года проходили обучение около 100 агентов, большинство из которых были молодые девушки [5, л. 286–297].

▲ Здание слуцкого педтехникума, в котором в годы войны размещалась немецкая разведывательно-диверсионная школа

Чем был вызван переход немецких спецслужб к массовому обучению и подготовке агентов из числа женщин? Этому есть несколько объяснений. Во-первых, с 1942 года начался быстрый рост партизанского движения, и борьба с партизанами стала занимать все больше места в деятельности немецких спецслужб. Они поняли, что одними карательными операциями эту проблему не решить. Нужны были не только точные данные о партизанских формированиях, но и удачные теракты, диверсии против руководителей и политработников, требовалось дискредитировать движение в целом. А специалисты из разведки и контрразведки давно заметили, что сотрудницы-женщины в решении многих задач бывают намного эффективней мужчин. Некоторые задания, связанные со сбором данных, внедрением, передачей шифровок, наблюдением за подозрительными лицами и работой под

ОБ АВТОРЕ

КУЛИНОК Святослав Валентинович.

Родился в 1984 году в Минске. Окончил исторический факультет Белорусского государственного университета (2007), магистратуру при историческом факультете БГУ (2008), аспирантуру Белорусского научно-исследовательского института документации и архивного дела (2012).

С 2007 года – ведущий архивист, ведущий научный сотрудник, исполняющий обязанности заведующего отделом Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства. С 2009 года – исполняющий обязанности заведующего, заведующий отделом Белорусского государственного архива научно-технической документации.

Автор 18 научных статей и публикаций.

Сфера научных интересов: история Великой Отечественной войны.

прикрытием, будто специально созданы для женщин.

Во-вторых, женщинам-агентам гораздо легче было составить легенду для внедрения в партизанские отряды, например, под видом спасающихся от отправки в Германию, бежавших с принудительных работ, прячущихся от карателей. Для большей достоверности им давали малышей из детских домов.

В-третьих, возможностей для подбора агентов-женщин на оккупированной территории было значительно больше, чем агентов-мужчин. Ведь основную массу здоровых представителей сильного пола мобилизовали в армию, многие ушли в партизаны, некоторые подались в коллаборационисты, часть эвакуировались с предприятиями на Восток. На оккупированной территории остались старики, подростки, инвалиды. Каждый новый человек мужского пола в партизанском соединении невольно вызывал подозрение и подвергался серьезной проверке. А вот с женщинами было проще.

В-четвертых, главными принципами германских секретных органов, особенно после провала блицкрига в Советском Союзе, стали максимальный прагматизм, нацеленность на достижение поставленной задачи, отсутствие моральных, идеологических и политических предубеждений. Главное – это результат. В конечном счете, с конца 1942 года немцы стали массово вовлекать в свою работу подростков, женщин и инвалидов. Совсем невероят-

ным может показаться сообщение в разведсводке БШПД от 30 июня 1943 года, в которой указывалось, что «26 июня гестапо Минска выпущено более 100 евреев мужчин и женщин, которые засылаются в партизанские отряды с целью отравления командного состава» [4, л. 172]. Однако такое тоже было.

Партизанская разведка и контрразведка оперативно отреагировали на угрозы нового характера. Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) регулярно направлял в республиканские штабы указания, памятки и рекомендации по ведению контрразведывательной работы против немецких агентов. Уже 24 октября 1942 года ЦШПД направил в БШПД «Примерную схему разведывательной сводки Н-штаба партизанского движения», в которой подчеркивалось, что при составлении партизанской разведсводки нужно уточнять: «Где и какие школы открыты немцами по подготовке агентуры для переброски в наш тыл и какие задачи стоят перед подготовляемой агентурой? Где и когда немцами готовятся отряды или отдельные агенты для переброски и способ переброски?» [6, л. 21, 21 об].

В декабре 1943 года на имя начальника БШПД П. Калинина пришло указание, в котором отмечалось: «Для успешного розыска вражеских разведчиков, перебросенных в наши тылы и партизанские отряды, просим дать указания командирам вверенных вам партизанских отрядов... добиваться получения... подробных сведений с указанием:

- а) полных установочных данных;
- б) характеризующих данных агента и его приметы;
- в) район предполагаемой деятельности агента и его связи» [7, л. 341].

Кого из женщин немецкие спецслужбы вербовали в первую очередь для обучения в школах? В разведсводке БШПД от 19 января 1943 года сообщалось, что «в агентурную сеть вербуются главным образом учительницы, ветврачи, медработники...». Для ведения разведки партизанских отрядов «в местечке Сенно гестапо были организованы курсы разведчиков, на которых было до 140 человек, в основном жены полицейских, их дети, беспризорные и детдомовцы» [4, л. 13]. Прежде всего, немцы привлекали контингент, уже скомпрометировавший себя по отношению к советской власти:

▼ Преподавание радиодела в одной из абвершкол

жен и детей коллаборационистов, членов прогерманских организаций и союзов (в частности, Союза белорусской молодежи), пострадавших от НКВД: раскулаченных, репрессированных, арестованных. Обиды на советскую власть значительно облегчали вербовку и мотивирование службы агентов.

В поле зрения спецслужб рейха оказались и беспризорники, воспитанники детских домов (обоего пола). Им обещали хорошую жизнь, материальное вознаграждение, продукты питания. Кто-то шел на сотрудничество и добровольно. Однако в целом представители названных групп составляли небольшой процент от общего количества обучавшихся агентов. Потому основная часть вербовалась из числа обычного гражданского женского населения. И здесь немецкие спецслужбы проявили феноменальную расчетливость, жестокость и изобретательность. Они давили на самое больное и дорогое – семью. В отчете о работе Особого отдела соединения партизанских бригад Минской области за май 1943 года приводятся сведения о том, что, засылая агентов «насильственным путем в партизанские отряды и зоны для шпионажа, гестапо в качестве заложников оставляет их семьи – матерей, отцов, братьев и сестер и в случае невыполнения приказа расстреливает их» [8, л. 30 об – 31]. Молодых женщин пугали отправкой в концлагерь и высылкой в Германию. Разоблаченная в апреле 1944 года агент Нина Сушенкова (16 лет) на допросе показала, что «была принята в школу пропагандистов (на самом деле разведывательно-диверсионная школа в г. Минске. – Авт.) согласно поданного мной заявления. Причиной послужил вывоз меня в Германию, я лучше решила учиться в школе, чем ехать в Германию» [5, л. 433–436].

Разумеется, агентам обещали значительные денежные суммы, продукты питания, землю в собственность и безопасность близких. Фиксированного вознаграждения не существовало, каждый «работодатель» обещал то, что считал нужным. Так, агентам барановичской школы гестапо за выполнение задания сулили 10 га земли и материальную помощь в размере 3 тыс. марок [5, л. 417].

Сразу после вербовки будущий агент давал подписку о сотрудничестве с немец-

◀ Радист абвера за работой. Германия

кими спецслужбами. Этот документ был некоторой гарантией для немецкой стороны от возможности перехода на сторону партизан или Красной армии при выполнении задания. В подписке обязательно говорилось, что агент добровольно пошел на сотрудничество с немецкой властью и в случае его измены или провала задания ответственность будет нести семья.

После вербовки и инструктажа агенту устраивали проверку. Как правило, это были несложные задания: узнать о настроениях в деревне или на предприятии, найти сочувствующих партизанам и т.д. Но были «тесты» и сложнее. В минской школе, например, агентов водили в тюрьмы, где заставляли участвовать в избиении и убийствах арестованных. Если агент задание выполнял, его отправляли для дальнейшего обучения в специальные разведывательно-диверсионные школы или на аналогичные курсы.

К слову, школы были и чисто женские, и смешанного типа, когда совместно обучались представители обоих полов. Автором установлены следующие места на территории Беларуси, где в 1942–1944 годах проходили подготовку женщины-агенты: Белый Переезд (Петриковский район) – смешанный состав обучающихся [9, л. 86], Бобруйск – смешанный состав [10, л. 10], Борисов – смешанный состав [9, л. 14], Волковыск – женская школа [10, л. 120], Ганцевичи – смешанный состав [9, л. 180, 180 об], Гомель – школа смешанного типа, но с преобладанием женского контингента [7, л. 286–297], Лепель – женская школа [9, л. 177, 177 об], Марьина Горка – смешанный

состав [11, л. 55–60], Минск – возможно, не одна, а несколько школ смешанного типа [9, л. 203], Могилев – смешанный состав [9, л. 40–44], Орша – смешанный состав [12, л. 11 об], Сенно – курсы смешанного состава [4, л. 13], Слуцк – смешанный состав, но с преобладанием женского контингента [4, л. 129–130]. Кроме того, женщины проходили подготовку и в различных пронемецких организациях, некоторые мало отличались от секретных школ. В качестве примера можно привести шпионско-террористическую организацию «Русское объединение», действовавшую с марта 1943 года в Бресте. Организация насчитывала более 30 членов, как минимум 5 из них были женщины [11, л. 116–130].

Школы (курсы) отличались подчинением, профилем, числом обучаемых, временем деятельности и т.д. Так, борисовская разведывательно-диверсионная школа, организованная абвером, являлась «детисцем» немецкой разведки (абвершколой), а вот лепельская женская была организована тайной полевой полицией (ГФП). Минская, оршанская и слуцкая в документах фигурируют как «школы гестапо». Также можно встретить и такие определения: «шпионская школа», «секретная школа», «школа по подготовке шпионов». Поскольку партизанам установить подчиненность школы было достаточно проблематично, в их документах зачастую использовался унифицированный термин: «школы гестапо». Под ним подразумевались школы (курсы), созданные немецкими спецслужбами для ведения разведывательно-диверсионной работы.

Основным направлением работы секретных школ и курсов была подготовка агентов для действий как во «внешнем» тылу (СССР и Красной армии), так и во «внутреннем», то есть в своем собственном. Наиболее крупные школы имели отделения для подготовки агентов сразу по двум направлениям, в то время как небольшие «учебные заведения» такого рода занимались, в основном, агентами для антипартизанской войны. К первому виду школ нужно отнести борисовскую. Она готовила агентов-разведчиков и радистов. В своих исследованиях историки С.Г. Чуев и Э.Г. Иоффе отмечают, что в «ней одновременно обучалось около 150 человек, из них 50–60 радистов... Подготовленные агенты

перебрасывались в тыл Красной армии по 2–3 человека (один – радист) и в одиночку, главным образом на центральных участках фронта, а также в Московскую, Рязанскую и Тульскую области. Часть агентов имели задание пробраться в Москву и осесть там. Кроме того, обученные в школе агенты зачислялись в партизанские отряды для выявления их дислокации и местонахождения баз» [13, с. 240–242]. О том, что в школу активно вербовали женщин, они не сообщают, но такие данные приводит в специальной справке старший помощник начальника 2-го отдела БШПД майор госбезопасности Ливанов. В частности, он сообщает, как 20 апреля 1943 года партизанским отрядом Балыкова в «Будо-Кошелевском районе был задержан некто Череузан Матей Леонтьевич 1911 года рождения, который на допросе сознался, что является агентом гестапо. Череузан показал, что в течение месяца проходил специальную подготовку в школе гестапо в г. Борисов... Далее Череузан показал, что Борисовская школа готовит разведчиков для засылки в партизанские отряды, а также имеет **специальное отделение для женщин** (выделено мною. – Авт.), которых готовят для засылки в тылы СССР с задачей проникновения в воинские части и на промышленные предприятия...» [9, л. 14].

В июле того же года на имя начальника БШПД П. Калинина пришел документ за подписью заместителя начальника ЦШПД С. Бельченко, в котором указывалось на деятельность опасного агента по кличке «Клава», «...которая уже несколько раз направлялась с разведывательным заданием в партизанские отряды. Приметы: около 26 лет, среднего роста, полная, большие груди, глаза черные, лицо смуглое, монгольского типа...». Примерно через месяц в БШПД было установлено, что «...по очертаниям и приметам женщины «Клавы» подходит Камлюк Мария, работала в ЦК партии Белоруссии...» [5, л. 17, 67].

В минской школе упор делался на подготовку агентов к антипартизанской борьбе. Так, в разведсводке № 4 от 15 января 1944 года указывалось: «Из точных данных известно, что 15 декабря 1943 года было выпущено Минской школой гестапо 1600 шпионов, из них 1400 мужчин и 200 женщин. Шпионы набраны в основном из беженцев, военнопленных и часть

из местных жителей. Перед шпионами поставлена задача до 5 января 1944 года проникнуть в партизанские отряды с целью диверсий и доставки данных о численном составе партизанских отрядов, размещении лагерей и вооружении» [14, л. 539]. В данном сообщении обращает на себя внимание очень большой единовременный выпуск агентов. Самые крупные школы на оккупированной территории обычно готовили выпуск в 200–300 человек, очень редко до 500, а тут одновременно 1600. Подобных примеров, относящихся к Великой Отечественной войне, автору больше встретить не довелось. Особенно, если учесть, что речь идет о подготовке агентов для действий против народных мстителей и подполья. Можно представить, какими бы могли быть последствия от их деятельности для движения сопротивления, если бы не разведывательная и контрразведывательная работа самих партизан.

Подобные цифры заставляют задуматься и о достоверности данных. Тем не менее это сообщение представляется верным. Ведь к началу 1944 года уже сложились и исполнялись четкие правила подготовки разведывательных сведений в специальных сообщениях. Еще 27 октября 1942 года БШПД получил от ЦШПД «Примерную схему разведывательной сводки», в приложении к которой приводились рекомендации по сбору и проверке разведанных. Сообщая факт, требовалось указать источник информации, датировать его получение, отметить, как он проверялся. В разведсводках того времени не случайно встречаются фразы «по непроверенной информации...», «по неподтвержденной информации...», «по уточненным данным...», что указывает и на различный уровень достоверности передаваемых данных, и на сомнения в их отношении руководителей партизанских формирований. В приведенном документе указывается: «...из точных данных известно...». Значит, командир доверял этим сведениям и брал полную ответственность за их достоверность. Скорее всего, столь большой «выпуск» минской школы объясняется «реальными потребностями» оккупантов в их попытках противодействовать широкому размаху движения партизан и подпольщиков.

Помимо крупных стационарных школ, на территории Беларуси действовали не-

большие, временные, которые готовили 1–2 выпуска агентов и переезжали в другое место или закрывались. В разведывательных документах БШПД такие заведения упоминаются всего несколько раз и датируются близкими по времени датами. В июне 1944 года партизанами Ушачской зоны (Витебская область) была разоблачена немецкий агент Наталья Шаптуг, которая на следствии показала, что она вместе с 14 девушками окончила немецкую разведывательную школу в г. Лепеле, после чего была направлена с целью разведки в партизанские отряды [9, л. 177, 177 об]. Больше упоминаний об этой школе в документах автору обнаружить не удалось. Вероятно, это были курсы, открытые за несколько месяцев до начала операции «Багратион».

Однако во всех случаях, независимо от размера школы и профиля ее работы, немецкие спецслужбы тщательно скрывали и легендировали их деятельность. Так, женская школа в Волковыске действовала под вывеской «работниц городского огородничества», школы в Гомеле и Марьиной

Горке маскировались под гимназии, могилевская именовалась «ремесленным училищем № 5», а минская разведывательно-диверсионная школа существовала под вывеской «школы пропагандистов». Для сохранения секретности учебные заведения могли менять дислокацию как внутри одного населенного пункта, так и в пределах района или области. Так, витебская разведывательная школа в течение трех месяцев меняла дислокацию 8 раз!

Как и для какой работы готовили молодых девушек и женщин в немецких шпионских школах? В своих показаниях агент Нина Севастьянова, окончившая гомельскую школу, показала, что время обучения составляло полгода. Занятия проходили каждый день, кроме выходных, с 9 до 15 часов. Изучались немецкий язык, военное дело, основы географии и топографии, естествознание, физкультура и самооборона, методики разведывательной работы и специальные дисциплины по сохранению тайны. Руководитель школы и часть преподавателей были немцами, остальные, включая вспомогательный персонал, набраны из предателей, перешедших на службу к немцам [5, л. 286–297].

В слуцкой шпионской школе будущих агентов обучали не только немецкому, но и белорусскому языку, надо полагать, чтобы легче выдать себя за местного человека, а также методам русской разведки, диверсионной работе, подрывному делу, навыкам поведения в разных ситуациях, способам вербовки партизан [9, л. 17–20]. В апреле 1944 года разоблаченный агент минской школы Нина Сушенкова на допросе рассказала, что в школе: «нас учили о характере большевизма (орфография документа сохранена. – Авт.), объясняя, что строй большевизма построен на руководящей роли евреев, нам объясняли, что здесь на оккупированной немцами территории нет действительных партизан, которые стараются мстить за свой народ, за русскую землю, а есть бандиты, в задачу которых входит уничтожение мирного населения, сжигание белорусских деревень и поголовный грабеж населения». Она сообщила также, что все «прошли специальный курс шпионской работы в Советском тылу на случай прихода Красной Армии. Командование школы дало указание оставаться в тылу «красных», устраиваться на работу, продолжать

диверсионно-террористическую работу и, в случае подозрения, уходить в леса, где будут находиться немецкие солдаты и владовские партизаны. Ни в коем случае не сдаваться в плен...» [5, л. 437–438].

В ряде случаев в школах преподавались основы химии и фармакологии, методы работы с отравляющими веществами и основы медицины. На этом же допросе Сушенкова показала, что агенты должны были заниматься не только разведкой, но и диверсиями, уничтожением штабов и «отдельных командиров путем сонных папиров, затравленного йода, бинтов. Скурив папиросу начинается тошнота, пища не принимается, через три часа человек умирает. Излечению не поддается. Растерев папиросу можно заметить желтые и красные шарики мелкого размера. Йод действует на рану. Заражает кровь, так же и бинты» [5, л. 433–436].

В отчете Особого отдела при штабе соединения партизанских отрядов Минской области сообщалось, что «...следствием установлено от разоблаченной шпионки Молевой М.И. ей было поручено устроиться при штабе соединения медсестрой, изыскать средства и убить или отравить руководящих работников. Кроме этого, она обязана была своей красотой завлечь кого-нибудь из партизан, завербовать агентом и через него выполнять диверсии, поджог складов и прочее...» [8, л. 137, 137 об]. А в марте 1944 года «...органами гестапо из г. Вилейка заброшено несколько женщин больных сифилисом в партизанские бригады с целью заражения партизан и особенно комсостав. (Ориентированы все партизанские бригады)» [15, л. 255]. В начале 1944 года разведывательным отделом партизанской бригады «Разгром» вскрыта диверсионно-разведывательно-террористическая группа из 9 человек (один из них доктор), созданная борисовским отделом гестапо. Было установлено, что «в задачу данной группы входило: вербовка и насаждение своей агентуры в партизанских отрядах, разведывательная работа, отравление партизан, бактериологическая борьба против партизан: прививки женщинам-девушкам, мужчинам венерических заболеваний, распространение тифа в отрядах и деревнях» [16, л. 82, 82 об].

Парадоксальным представляется другое: при таком масштабе работы и свободе

от всех моральных, идеологических и иных ограничений, результаты этой деятельности в пропорциональном отношении были ничтожно малы. Конечно, имелись агенты, достигавшие поставленных целей. Об одном из них, некой учительнице Шварц, в июле 1942 года зачисленной в 752-й отряд Кличевского оперативного центра, рассказал белорусский историк Э.Г. Иоффе. Эта женщина, знавшая немецкий язык и обещавшая добывать ценные сведения о противнике для народных мстителей, на самом деле работала на гитлеровцев. По ее вине погибли лучшие партизанские разведчики А.И. Саватеев и А.Т. Чигирь [17, с. 256–257].

Еще один пример действий женщины-агента приводит комбриг Д. Райцев. В своей записке, ныне хранящейся в Национальном архиве Республики Беларусь, он рассказывает, что «15 августа 1942 была задержана штабной разведкой бригады гражданка Е. Гончарова (жительница д. Лосвида) в районе деревни Боровляны». Во время допросов, которые проводили заместитель командира бригады по разведке Бугаев, комиссар бригады Пирунов, начальник штаба Карнаухов, «не было установлено, что Гончарова является немецким шпионом, и они рекомендовали использовать ее агентурной разведчицей по бригаде». Она «три раза была послана в разведку в Городок, Стайки и Байханы и дала данные о противнике, которые проверялись другими разведчиками и не имели особых расхождений». После этого она была направлена в Витебск, откуда вскоре поступили сведения, что Гончарова «является крупной немецкой шпионкой, имеющей тесную связь с немецким гестапо» [18, л. 93, 93 об]. Можно только догадываться, какие ценные сведения о численности, вооружении и дислокации отряда Гончарова передала «работодателям».

И все же желаемого успеха немецким спецслужбам добиться не удалось. Значительная часть агентов добровольно сдавалась органам внутренних дел или партизанам. Необходимо отметить и огромную работу разведывательных и контрразведывательных отделов партизанских формирований и органов НКВД-НКГБ. По неполным данным БШПД, только за 1942–1943 годы партизанами Беларуси было разоблачено и уничтожено 944 немецких агента.

Какая же судьба ждала женщин, выполнявших задания оккупантов? У тех, кого разоблачили партизаны, шансов выжить практически не было. Для содержания шпионов требовалось специальное помещение, охрана, питание, а это для народных мстителей представлялось просто невозможным, тем более в условиях нехватки и бойцов, и провизии. Кроме того, нахождение в отряде разведчика-диверсанта, пусть даже арестованного и разоблаченного, лишь добавляло беспокойства партизанам за безопасность свою и семей в деревнях: вдруг не все контакты агента вскрыты? Потому после допросов, очных ставок агентов, как правило, расстреливали. Некоторый шанс выжить у них появился после того, как была налажена воздушная связь с «Большой землей». Наиболее ценных могли переправлять самолетами в тыл для дальнейшего использования, но это были единичные случаи. У тех, кого разоблачили в тылу Красной армии или в СССР, шансов выжить было больше. Их могли перевербовать для дальнейшей работы против немцев, а за добровольное сотрудничество и явку могли заменить расстрел тюремным сроком или даже помиловать. Но клеймо предателя и изменника оставалось на них до конца жизни. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Gerlach, Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944 / Ch. Gerlach. – Hamburg, 1999. – 1232 p.
2. Мюллер, Р.-Д. «Народное сообщество»: продовольственная проблема, эксплуатация и уничижение / Р.-Д. Мюллер // Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований / ред. В. Михалка. – М., 1997. – С. 189–196.
3. Бухгайт, Г. Абвер – щит и меч III Рейха / Г. Бухгайт; пер. с нем. Ю.А. Неподаева. – М.: Яуза: Эксмо, 2003. – 477 с.
4. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Фонд 1450. – Оп. 1. – Д. 4.
5. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 57.
6. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 1. – Д. 1.
7. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 1. – Д. 15.
8. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 60.
9. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 56.
10. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 53.
11. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 54.
12. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 65.
13. Чуев, С.Г. Спецслужбы Третьего рейха / С.Г. Чуев. – Кн. 1. – СПб.: Издательский дом «Нева», 2003. – 383 с.
14. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 30.
15. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 10.
16. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 62.
17. Иоффе, Э.Г. Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранная армия – Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939–1945 / Э.Г. Иоффе. – Минск: Харвест, 2007. – 384 с.
18. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 1326.